

Почему гаснет огонь памяти

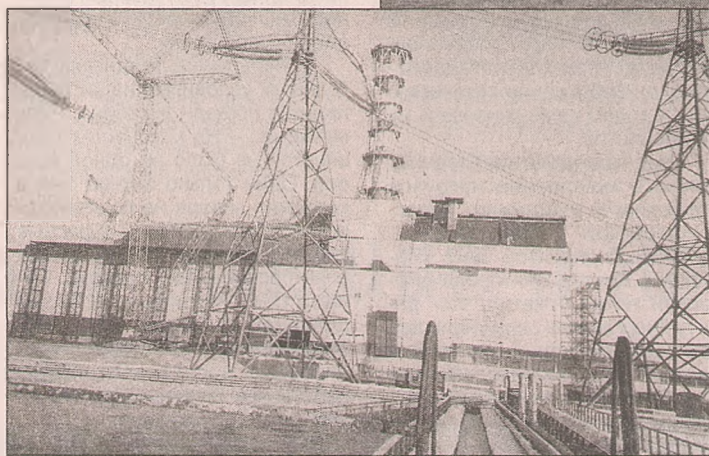
Сегодня день памяти жертв радиационных аварий и катастроф. Ровно два десятилетия назад из-за нарушений дежурной бригадой технологии и норм безопасности взорвался четвертый энергоблок ЧАЭС. О подробностях и некоторых последствиях трагедии мы беседуем с инженером-строителем, председателем областной общественной организации инвалидов Союз «Чернобыль» России Владимиром КЛЕМИНЫМ (на снимке).

— Со времен аварии, Владимир Геннадьевич, выросло целое поколение тех, кто не знает о ней ничего или почти ничего. Но может быть, это и к лучшему: зачем беречь старые раны?

— То, что у России сегодня такая короткая память, может

ФОТО АННЫ СОЛТОВЕВОЙ

Общий вид на саркофаг ЧАЭС, 1988 год.

нам дорого обойтись в будущем. Их ведь и беречь не приходится, те раны, они еще не зажили. Да и сама теперь уже закрытая ЧАЭС остается опасной.

— Вы что имеете в виду?

— Под бетонным саркофагом, прикрывающим разрушенный энергоблок, — тонны радиоактивной пыли, а само прикрытие сплошь худое, общая площадь трещин и сказать страшно какая — 1000 квадратных метров. Тяжелое укрытие опирается на стены и балки блока, есть опасность обвала. Сведения — из чернобыльского досье, только что опубликованного журналом «Вокруг света». А вы говорите «старые раны». Еще в 1989 году специалисты сообщали руковод-

ству страны, что нужно возводить новое укрытие. Но денег тогда не нашлось. Нет их и сейчас...

— По прессе известно, на Припяти собираются ставить некую «арку будущего». Это что за архитектурное сооружение?

— «Арка» — неофициальное название проекта нового саркофага. Начало стройки намечено на нынешний год, сдача, видимо, на 2008-й. Евросоюз, настаивающий на таких сроках, выделил Украине 758 миллионов долларов и пообещал добавить еще двести. Ресурс надежности этой второй оболочки из стали — столет. А что будет дальше, неизвестно. Расхлебывать черно-

быльскую беду придется долго.

— А дети ликвидаторов разве не проблема на долгие годы вперед?

— Медики открыто говорить на такую тему не любят. Но мы то знаем, что в семьях чернобыльцев здоровых детей нет.

— Вы какую дозу тогда на сборах получили?

— За июль и август восемьдесят шестого — 24 рентгена при предельной для того времени дозе 25.

— «Предельная» что означала?

— Что тебя сразу отправляли домой лечиться, а кадровым военным немедленно давали дембель. Нам на пункте дезактивации таковых видеть приходилось. Идет весь зелено-голубой, покачивается от ветерка. Сразу видно было: не жилец. Впечатление усиливалось новеньким костюмом, их выдали сверхоблученному перед отправкой из зоны. Каждый подобный случай расследовали особысты. Командир получал втык, и поэтому чаще всего обнаруживалась «счетная ошибка». Официально переоблученных среди нас, понятно, почти не было. Да и точной дозы своей никто не знал.

— Это почему же?

— Индивидуальные армейские дозиметры, какими нас вооружили, рассчитаны были, види-

мо, на ядерный взрыв, и малые дозы не засекали. Многие сдавали их в штаб, а то потеряешь — не расквитаешься. Переносными приборами ДП-5 облучение меряли приблизительно и округленно, по уровням радиации на местности. Тут лежит камень и отчаянно фонит, а отойдешь от него шагов на пять в сторону — стрелка падает чуть ли не до нуля. Берем средний показатель, получалось, как мы шутили, плюс-минус трамвайная остановка.

— Какая была у вас боевая задача в зоне бедствия?

— В июле пожар еще тушили, над четвертым блоком летали вертолеты, высыпая в огонь смесь, как мы потом узнали, свинцовой крошки с измельченным известняком. Уже начали строить саркофаг. Туда возили бетонный раствор. На границе самой опасной, третьей, зоны мы грузовики обрабатывали: делали замеры, мыли машины водой из шлангов. Данные заносили в учетные листы для особого отдела. Среди наших «пациентов» был даже японский робот фирмы «Камацу». Бедняга перетрутился на разборке завалов, пригнали его нам для дезактивации. Не ведаю, что с ним было дальше. Но уже тогда стало ясно, что надежда остается только на людей.

(Окончание на 2-й стр.)

Почему гаснет огонь памяти

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

— Какую имели ликвидаторы защиту?

— Одеты мы были в форму из прорезиненной ткани — похожую выпускала «Резинотехника». Выдавали тканевые респираторы — «лепестки». От пота, от дождя они переставали пропускать воздух, словно тебе рот ладонью зажали. Мы просто носили их на лбу. На «лепестках» радиацию мы видели невооруженным глазом: от нее повязка становилась коричнево-рыжей.

— А симптомы ее на себе когда почувствовали?

— Мы были на ликвидации аварии первыми из офицеров запаса и толком не знали, какова радиация «на вкус». Конечно, кое-что понимали еще до того, как проехали КПП зоны. Когда нас в Курске переодели в армейскую форму, шмотки каждому велели уложить в персональный мешок с домашним адресом на бумажке — на случай, если что-то с тобой случится. На месте вкалывали без выходных. О здоровье думать до поры до времени было некогда.

— А дух вам как-то пытались поднять?

— Приезжал передвижной клуб. На полную катушку включали динамик. Ставили почему-то одну и ту же кассету. С тех пор не могу слушать песню Леонтьева: «Ку-ку-ку-ку, исчезли солнечные дни и птицы улетели...»

— При отправке домой как вас напутствовали, чем отблагодарили за верную службу Отечеству?

— Обещали бесплатные путевки в санатории на лечение, постоянное наблюдение врачей. пожаловали за Чернобыль тремя днями к отпуску, пятикратной зарплатой за каждые сутки пребывания в самой опасной зоне, у меня их набралось, помнится, 26. Подзаянли с женой денег, приобрели цветной телевизор, правда, работал он от ремонта до ремонта.

— А как с обещанием насчет врачебного надзора?

— В облвоенкомате нам сразу сказали: дескать, ничего не знаем, для кадровых военных инструкция имеется, а вы офицеры запаса, да что вы волнуетесь, у вас же не предельная доза, живите спокойно.

— Вы совету последовали?

— Рад бы, да скоро почувствовал: что-то «не то» со мной происходит. До сборов бегал на коньках, купался зимой в проруби, забот со здоровьем не знал. А тут вдруг попал в больницу с воспалением легких. Долго лежал, кончилось осложнением на почки, до сих пор вылечить их не могу. Диагнозы и дальше ставились обычные. Но болезни проходили сложно, тяжело. Потом сообразил: иначе и быть не может, когда затронута вся защитная система организма. Появилась немотивированная слабость: до обеда ты в норме, а дальше все валится из рук. На диспансерный учет чернобыльцы и приравненные к ним по правам ветераны подразделений особого риска поставлены. Но врачи воздействие радиации в нашем плохом самочувствии, как правило, усматривать не склонны. Получаем стереотипные советы: нужно отдыхать, правильно питаться и тому подобное. Вот недавний пример. Тутаевец Сергей Алексеев пожаловался: что-то мне нехорошо. Лег на обследование. Его выписали налегке, с шутками — мол, держитесь как искусный симулянт, ничем вы не болеете. А года через полтора Алексеев умер от рака. Когда поняли, что каждый остался со своими недоумения-

На снимках из личного архива ярославца Рустема Абдюкова, председателя областного объединения «Чернобыль» 1991 – 1993 годов: в пункте спецработки идет замер уровня радиации; ярославские ликвидаторы Александр Астахов (слева) и Рустем Абдюков, ЧАЭС, лето 1988 года.

ми один на один, а принятый в начале девяностых закон о социальной защите ликвидаторов какой только манной небесной не обещает, мы и решили объединиться в Союз «Чернобыль». Пытаемся пробить лбом стенку.

— Но вас же, чернобыльцев, имеющих по закону немалые льготы и привилегии, все время кто-то упрекает в злоупотреблении своим «привилегированным» статусом. Предыдущая Дума сократила список болезней для установления инвалидности до лучевых

ожогов и рака. Как будто «мирный атом» не может стать первопричиной, к примеру, инфаркта миокарда — сами врачи называют его «профессиональной болезнью ликвидаторов». Вы как лидер чернобыльских инвалидов что на это отвечаете?

— Отвечаю, что бороться за свои права и злоупотреблять ими — не одно и то же. Ни разу не видел ни единого, кто бы злоупотреблял ими. Могу объяснить, почему таких людей среди нас не встретишь. Есть и бомжи, и генералы в отставке, но двадцать лет назад все шли в пекло, понимая, что к чему. И это люди, не потерявшие совести. Способные войти в положение даже нашего бедолаги-государства. Оно, дабы свести концы с концами, все норвит сэкономить на здоровье тех, кого само же и послало в тот большой костер.

— Сколько сейчас в суде дел чернобыльцев о возмещении вреда здоровью?

— Печально, что вообще приходится по такому поводу судиться. Иногда очень подолгу. Рекордсмен — ветеран Чернобыля Макаров. Его иск крутился по судам семь лет. Но Петр Тимофеевич победил. А всего за это время мы и наши адвокаты выиграли две сотни исков на восемь миллионов рублей.

— А как к вам относятся чиновники, деловой мир?

— Перед двадцатилетием катастрофы на ЧАЭС мы рисковали напомнить о себе банкам и фирмам. Послали около трех десятков просьб как-то поучаствовать в наших скорбных торжествах. И ведь не получили ни одного ответа. И вот еще факт, казалось бы, сугубо местного значения. День памяти по традиции начнем митингом у «памятника с аистами» напротив Леонтьевского кладбища. Птицы на том же месте, рвутся в небо словно из разоренного гнезда. А вот задуманной авторами вспышки пламени у подножия стелы вы не увидите. Несколько лет назад там перегорела лампа, и вызывающий к нашей памяти «чернобыльский огонь» погас. Городским властям о том давно известно. Но лампу поменять так ни у кого руки и не дошли.

Беседовал
Юлиан НАДЕЖДИН.